

СВОЯ

Ката Го

Своя

<https://litres.ru/74465928>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Своя» — роман о женщинах, которые всю жизнь пытались заслужить любовь, быть удобными, нужными и выбранными, пока однажды не столкнулись с вопросом: что останется от них самих, если перестать жить только ради чужого одобрения. Это история о внутреннем взрослении, женской дружбе, телесной памяти, любви и тех невидимых сценариях, которые передаются женщинам почти как наследство: терпи, не занимай слишком много места, не будь слишком яркой, не оставайся одна. Через судьбы нескольких героинь роман показывает путь от конкуренции и зависимости к сестринству, самооценности и возвращению к себе. История начинается с картины, которая спустя семь лет вновь соединяет людей, разрушенных одной трагедией и одной любовью.

Роман сочетает в себе эмоционально насыщенный сюжет и глубокую психологическую составляющую, что позволяет ему быть одновременно вовлекающим и значимым.

Содержание

Глава 1. Память.	4
Глава 2. Круг	14
Глава 3. Девочка с солнцем в волосах	36
Глава 4. Дача	69
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ката Го

Своя

Глава 1. Память.

Картина называлась «Ты меня забыла». Лена прочитала название раньше, чем поняла, что именно заставило её остановиться. Не резко. Почти физически. Как если бы кто-то изнутри схватил её за сердце и сказал: смотри. У Лены похолодели пальцы.

Девушка на переднем плане несомненно Рита. Та стояла на террасе боком к зрителю, смотрела на реку и чуть придерживала рукой волосы, которые трогал ветер. На ней были вещи, которые Лена узнала сразу, с той холодной и безошибочной ясностью, с какой узнают собственный давний грех.

Лена пришла на выставку одна.

Лев остался с детьми. Третий ребёнок простыл, старшая спорила с гувернанткой из-за уроков музыки, средний потерял кроссовок для тренировки, и дом с утра шумел, как вокзал. Лена ускользнула из него почти с наслаждением, в дорогом пальто цвета тёмной вишни, с тонким золотым браслетом на запястье и тем выражением лица, которое за годы научилась надевать на любые светские мероприятия: лёгкий интерес, чуть заметная скука, безупречная собранность.

Имя художника ей ничего не сказало. Она смотрела на картину и вдруг поняла, что узнаёт не только место и одежду. Она узнаёт настроение того вечера. Тот вечер, когда она нарочно уехала, оставив Риту со Львом. Тот вечер, после которого развалилась не только чужая судьба.

Зал остался где-то по краям зрения. Люди всё ещё ходили, переговаривались, тихо смеялись, наклонялись к подписям под картинами. Но для Лены всё сузилось до одного холста, одного заката, одной тонкой женской фигуры, стоящей спиной к зрителю так, будто сама живопись не могла вынести её лица.

В зале было сухо, светло, дорого. Осень в Столице стояла ясная, чуть золотистая, будто солнце устало от лета, но всё ещё не хотело уходить. Свет лежал на фасадах домов и на людях тонкими медовыми полосами, и даже город в этот день казался не таким тяжёлым, как обычно. Словно и он сам ждал какого-то разрешения.

До этого момента Лена не понимала чем именно ее привлекла выставка. Ей просто хотелось сбежать от детей и побыть одной. Молодой, но уже очень дорогой художник с юга. Морские полотна, от которых у коллекционеров сжимается сердце. Какая-то странная, почти гипнотическая глубина цвета. Свет не ложился на поверхности, а как будто исходил изнутри холста, словно художник писал не предметы, а их тайную жизнь.

Лена стояла с приоткрытым ртом без малейшего движе-

ния уже минут двадцать. На большом полотне была изображена дача Льва. Загородный дом на высоком пригорке. Огромные окна гостиной делали дом похожим на стеклянный корабль, плывущий по золотому морю заката. У круглого чана для костра тонко проступали силуэты оленей.

Всё было написано не просто точно. Узнаваемо до боли.

На Рите кулон в форме птицы с большим изумрудом, лиловый кардиган в пол, тонкий зелёный платок. Те самые подарки Сани на ее совершеннолетие. Когда она поступала. Когда всё ещё, возможно, можно было спасти. Которые она хранит словно обереги все эти годы. Это невозможно было написать случайно.

Ни по чужому рассказу. Ни по фотографии. Так пишут только то, что живёт в человеке под кожей.

Лена вспомнила, как потом, много лет назад, показывала Сане запись с камер наблюдения. Как спешила. Как дёргала нитки, думая, что управляет узором. Как он смотрел на экран. Как увидел то, что не увидела она. Как он злился. Спешил на помощь Рите. Попал в аварию. И пропал без вести.

Картина дышала перед ней, как живая рана.

Лена резко повернулась к девушке-администратору.

— Где художник?

Та растерялась от её тона.

— Он... в малом зале, но сейчас...

— Мне нужно с ним поговорить. Немедленно.

Она уже шла, почти не слыша, что ей отвечают.

Саня стоял у окна спиной к залу.

Теперь его звали иначе. За эти годы имя, данное Петром, сначала было домашним, потом стало псевдонимом, потом почти отдельной судьбой. Он научился не вздрагивать, когда люди спрашивали о прошлом. Научился жить с пустотой в голове как с комнатой, дверь в которую заклинило. За годы он вспомнил многое: рисунок подъезда с зелёными стенами, вкус чая с малиной, белую рубашку, университетские лестницы, шум города, чей-то смех. Но прошлое так и не сложилось в единую ткань. Оно приходило вспышками, отдельными мазками, как если бы память сама боялась увидеть всю картину разом.

Он часто ловил себя на том, что Столица причиняет ему странную боль. Не как чужое место, а как родное, забытое слишком грубо. Он ходил по улицам и иногда внезапно замирал: вот здесь он, кажется, уже стоял. Вот этот поворот что-то знает. Вот в этом дворе... пустота начинала пульсировать, но не открывалась.

Лена остановилась в двух шагах от него.

— Это ты написал картину с рекой и дачей?

Он обернулся.

На его лице не было узнавания.

Только вежливое недоумение.

— Да.

Лена вгляделась в него внимательнее. Тот же рост. Те же руки. Та же посадка головы. Только взгляд другой. Как буд-

то море промыло из него весь остальной мир и оставило тишину.

— Ты меня узнаёшь?

Он присмотрелся. Нахмурился. На секунду в глазах мелькнуло усилие, будто он пытался поймать ускользающую нить.

— Простите... нет.

Лена медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала она чужим для самой себя голосом.

— Тогда, может быть, узнаешь её.

Она достала телефон и открыла фотографию.

Не новую.

Старую.

Рита в том самом зелёном платке, с распущенными волосами, смеётся, прищурившись от солнца.

Саня посмотрел.

И пошатнулся.

Это было не театрально. Не резко. После старой черепно-мозговой травмы его тело иногда первым понимало то, чего не успевал понять разум. Он схватился за спинку стула, будто пол на секунду ушёл из-под ног. Лицо побледнело. Дыхание стало сбивчивым.

Перед ним вспыхнуло сразу несколько картин. Золотистые волосы на ветру. Зелёные глаза. Смех на платформе. Белая блузка с птицей, в которой его нашел Петр. Тёплая ладонь. Свет. Предательство. Чьё-то тихое: «Я тебя прощаю».

Потом резкая боль в затылке.

Как всегда бывало, когда память пыталась пройти через старый шрам.

Он закрыл глаза.

— Кто это?..

Но спросил так, будто уже знал.

Лена села напротив, впервые за много лет не играя ни одной роли.

— Это Рита.

Он открыл глаза.

Имя ударило в грудь изнутри.

— Рита... — повторил он медленно.

На столике рядом уже стояла вода, но он не взял её.

— Я... — он провёл рукой по лицу. — Когда приехал в Столицу, понял, что точно жил здесь. И, кажется... учился. Я это почувствовал сразу. В метро. На лестницах. На перекрёстках. Но всё было как за стеклом.

Он говорил тихо, словно боялся распугать собственные воспоминания.

— А эту картину... я не выдумал. Я никогда там не был... сознательно. Но когда писал, знал, где река, где лес, как закат ложится на пол. Знал, как выглядит пирс. И знал... её.

Он снова посмотрел на фото.

— Я не помню. Но я знаю её.

Лена закрыла глаза на секунду. Ей хотелось заплакать, но слёзы пришли позже. Сейчас было только одно: срочность.

— Поехали.

Он поднял на неё растерянный взгляд.

— Куда?

— К ней.

— Сейчас?

— Сейчас, — повторила Лена уже жёстче. — Она итак семь лет ждет, бедная.

Он встал не сразу. Медленно. Осторожно. Как человек, который боится, что при резком движении внутри снова всё смешается.

— Она здесь?

— В Столице. Да.

— Чем занимается?

Лена усмехнулась сквозь подступающие слёзы.

— Спасает женщин. Как всегда спасала всех, кроме себя.

Они ехали быстро.

Машина проскальзывала между вечерними улицами, а город вокруг был таким же, каким Саня его не помнил и всё же узнавал. Вот этот проспект. Вот эта арка. Вот поворот, от которого почему-то становится тесно в груди. Воспоминания приходили не целыми сценами, а телесными вспышками. Запах мокрого асфальта. Чьё-то имя, не доходящее до языка. Линия плеч. Зелёная дверь. Пятый этаж.

Он молчал.

Лена тоже.

Впервые за много лет между ними не было ни игры, ни

борьбы. Только страшное, почти нечеловеческое чувство, что они едут не просто по городу, а сквозь время, которое наконец перестало кружить на месте и выбрало направление.

— У неё сейчас круг, — сказала Лена, не отрывая взгляда от дороги. — Женский. В фонде.

— Круг?..

— Да. Потом поймёшь.

В фонде было тихо.

Женщины сидели полукругом, свечи мягко догорали, в воздухе стоял запах травяного чая и воска. Рита говорила спокойно, с той глубиной, которая рождается не из книг, а из пережитой боли.

— Иногда нам кажется, что мы должны заслужить право на поддержку, — говорила она. — Но это и есть самая большая ловушка. Жизнь не премия за правильность. Любовь тоже...

И в этот момент дверь открылась.

Не резко.

Почти беззвучно.

Но звук был таким, будто кто-то повернул ключ в очень старом замке.

Рита подняла глаза.

И весь мир сузился до одного силуэта.

Саня стоял в проёме, как человек, вышедший из другого измерения. Взрослее. Тише. Худее. Красивый той странной, обожжённой красотой, которая бывает у людей, переживших

слишком многое и не превратившихся в камень.

Свет из коридора очертил его плечи.

Он тоже увидел её.

Не вспомнил.

Но узнал.

Это было видно сразу.

Как если бы сердце оказалось древнее памяти.

У Риты задрожали губы.

— Саня...

Это прозвучало так тихо, что некоторые женщины не сразу поняли, что она сказала.

Он сделал один шаг внутрь.

И опустился на колени.

Не красиво. Не символически. Просто ноги не выдержали того, что поднималось в нём одновременно: боль, узнавание, любовь, страх, вина без адреса, свет.

Рита поднялась так резко, что подушка соскользнула на пол.

Слёзы сорвались прежде, чем она успела вдохнуть.

Не как слабость.

Как вода, которая слишком долго стояла за плотиной.

Женщины в круге замерли.

Дина медленно опустила глаза, будто не желая мешать святому.

Рита подошла к нему медленно. Как к чуду, которое боишься спугнуть. Опустилась перед ним на колени. Коснулась

его лица обеими руками.

Он смотрел на неё снизу вверх, растерянный и потрясённый, как человек, который одновременно нашёл дорогу домой и не помнит, как называется дом.

— Я... — голос у него сорвался. — Я не помню...

Слёзы стояли и у него в глазах.

— Но я знаю, что это ты.

Рита заплакала ещё сильнее и засмеялась сквозь слёзы.

— Это я, — прошептала она. — Это я.

И осень за окнами, казалось, тоже выдохнула.

Глава 2. Круг

Комната была тёплой.

Не от батарей. Не от свечей. Не от чайника, который тихо пощёлкивал на боковом столике.

От присутствия.

Женщины сидели полукругом, не идеально ровным, не симметричным, но живым. Как будто каждая заняла своё место не по указанию, а по внутреннему совпадению. В центре на низком деревянном подносе стояла толстая свеча в стекле, и её пламя не дрожало, а дышало. Рядом лежали гладкие камни, веточка розмарина, несколько тонких карт с золотыми линиями, чашка с сухой лавандой. От травяного чая поднимался мягкий пар. Воск пах медленно. Воздух был плотный, но не тяжёлый, как бывает в местах, где люди уже принесли свою боль, но ещё не начали её произносить.

Рита сидела чуть впереди, но не выше.

Она не возвышалась над кругом.

Она держала его.

У неё были собранные волосы, спокойные руки и тот взгляд, который появляется у человека не от уверенности в своей правоте, а от пережитого. Она не выглядела женщиной, которая пришла кого-то учить жизни. Скорее женщиной, которая слишком долго жила внутри тьмы и теперь научилась различать в ней свет.

Дина сидела справа. Чуть в тени. В мягком сером свитере, с босыми ступнями, подвернутыми под себя, как будто ей так было легче чувствовать землю сквозь пол. Она не вмешивалась сразу. Но от неё шло то редкое спокойствие, которое не требует внимания, а всё равно становится опорой.

Рита обвела круг взглядом.

— Иногда нам кажется, что мы должны заслужить право на поддержку, — сказала она.

Её голос был негромким, но в нём была глубина, от которой даже чайник будто перестал щёлкать.

— Если я буду достаточно хорошей... достаточно терпеливой... не слишком сложной... не слишком громкой... если я всё пойму, всё вынесу и никого не обременю...

Пауза.

— Тогда меня выберут. Тогда меня полюбят. Тогда меня не бросят.

Несколько женщин опустили глаза. Кто-то едва заметно кивнул.

— Но это и есть ловушка.

Свеча тихо треснула.

— Потому что в этой схеме любовь становится наградой. А женщина — участницей конкурса. Не человеком. Не душой. Не жизнью. А кандидаткой. На одобрение. На «правильность». На место рядом.

Тишина стала плотнее.

— И тогда почти всё в нас начинает жить не изнутри, а

наружу. Мы смотрим на себя глазами других. Сравниваем. Подстраиваемся. Стараемся быть удобнее. Красивее. Тише. Мягче. Своевременнее.

Лиза, сидевшая ближе к окну, усмехнулась без радости:
— И желательно ещё вечно молодой.

Круг тихо, понимающе улыбнулся.

— Да, — кивнула Рита. — И желательно без истории. Без претензий. Без усталости. Без боли. Чтобы никому не мешать мечтать о нас.

Эта фраза легла так точно, что в круге прошёл короткий общий выдох.

Марина, высокая женщина лет сорока, с тем лицом, которое когда-то, наверное, называли строгим, а теперь скорее собранным, тихо спросила:

— И что тогда делать?

Рита посмотрела на неё внимательно, но ответить не успела.

Дина подняла голову.

Она не перехватила слово у Риты. Она просто вошла в пространство разговора так естественно, словно встала в русло уже начатой реки.

— Сначала перестать думать, что проблему можно решить только внешне, — сказала она.

Тишина после её слов была не пустой.

Она была как земля перед дождём — готовая принять.

Дина немного помолчала, будто собирая внутри следующую

щую мысль, и продолжила:

— Поэтому тот проект мы остановили.

Женщины переглянулись.

Марина тихо спросила:

— Из-за конфликтов?

— Да, — кивнула Дина. — Но глубже.

Она провела рукой по столу, словно выравнивая невидимые линии.

— Мы пытались поменять форму.

Пауза.

— Не поменяв содержание.

Она посмотрела на круг.

— А сначала нужно менять сознание.

Лиза наклонилась вперёд:

— И как это сделать?

Дина улыбнулась. Мягко, но с внутренней решимостью.

— Я сейчас создаю курс, который помогает женщине перейти... — она чуть замедлила речь. — Из состояния конкуренции в состояние сотрудничества.

Рита почувствовала, как внутри у неё что-то тихо отозвалось на это слово. Не просто смыслом. Телом. Как будто в ней действительно жили два разных способа быть женщиной. Один старый: вечно сравнивающий, тревожный, выискивающий опасность в другой женщине раньше, чем сестру. И другой — ещё хрупкий, почти юный, но уже правдивый. В котором не надо бороться с другой женщиной за право быть.

— Из позиции «главное — мужчина, замужество, дети»...

— продолжила Дина.

Пауза.

— В позицию, где женщина — центр своей жизни.

Марина тихо сказала:

— А мужчина тогда где?

Дина посмотрела на неё.

— Рядом.

Пауза.

— Как партнёр.

Ещё пауза.

— А не как цель.

По кругу прошёл тихий шёпот, будто каждая внутренне примеряла эту фразу на свою жизнь.

Лиза усмехнулась:

— То есть не принц на белом коне?

Дина улыбнулась шире:

— Да.

И вдруг сказала:

— Есть одна смешная сцена из мультика.

Женщины оживились. Даже те, кто до этого сидел, сжавшись в свои истории, чуть распрямились.

— Там героиню спрашивают: «Все ведь думают, что в твоей жизни всё наладилось после того, как в ней появился мужчина?»

Кто-то тихо хихикнул.

Дина продолжила:

— А она отвечает: «Да... но ведь это бред».

Небольшой смех прошёл по кругу.

— И другая добавляет: «Она... принцесса».

Смех стал теплее.

— И в этом вся суть, — сказала Дина. — Нам с детства показывают один и тот же сценарий.

Она посмотрела на женщин по очереди.

— Девочка страдает.

— Терпит.

— Ждёт.

— И потом приходит принц...

Пауза.

— И всё становится хорошо.

Лиза покачала головой:

— Да... «и жили они долго и счастливо».

Марина добавила:

— Только никто не говорит — как именно.

— Именно, — кивнула Дина.

Она продолжила, уже не торопясь, словно перебирая старые сказки не как книжки, а как общественные инструкции:

— Золушка должна пройти унижение, чтобы «заслужить» любовь.

— Русалочка — отдать голос. Свой главный дар.

— Спящая красавица вообще ничего не делает...

— Просто ждёт, — тихо добавила Аня.

Лиза сказала:

— А «Красавица и чудовище» — это вообще про то, что надо терпеть агрессию, и он изменится.

По кругу прошёл нервный смешок.

— И нигде не рассказывают, что происходит после свадьбы, — мягко сказала Дина.

Тишина.

— Как жить дальше.

— Как строить отношения.

— Как сохранять себя.

— Как не потерять свою ценность.

Рита, сама не заметив как, спросила:

— А кто тогда... настоящий «принц»?

Дина посмотрела на неё, и в её голосе появилась чёткость.

— Настоящий мужчина — это не тот, кто красиво ухаживает.

Пауза.

— А тот, кто уважает.

Она продолжила:

— Твою способность рожать.

— Твою энергию.

— Твою заботу.

— Твои дары.

Тишина слушала.

— И готов брать ответственность.

Пауза.

— Не словами.

Она чуть подалась вперёд.

— Делами.

И тут из круга прозвучал голос.

Молодой. Чуть напряжённый, но очень честный.

— А какими именно делами?

Все повернулись.

Это была та самая девушка, что до этого больше слушала, чем говорила. Светлые волосы, тонкая шея, пальцы, сцепленные на коленях так крепко, будто она всё это время держала ими саму себя.

— Ну... — она сглотнула. — Вы говорите: «не словами, а делами»... А как это выглядит в реальности?

Тишина стала внимательной.

Не скептической.

Ждущей.

Дина посмотрела на неё с тёплым одобрением.

— Очень хороший вопрос.

Пауза.

— Потому что без конкретики это остаётся красивой идеей.

Она чуть выпрямилась.

— Делами — это когда мужчина берёт ответственность не в момент, когда уже прижало...

Пауза.

— А заранее.

Лиза тихо сказала:

— То есть на берегу?

— Да, — кивнула Дина. — На берегу.

Она продолжила, медленно, чтобы каждое слово легло в пространство, а не отскочило от него:

— Например, он сам поднимает тему: что будет, если в семье появятся дети.

Марина слушала так внимательно, будто боялась пропустить не слово, а целый новый способ жизни.

— Не ты спрашиваешь.

— Не ты переживаешь.

— Не ты «аккуратно прощупываешь».

Пауза.

— А он.

Молодая девушка тихо спросила:

— И что он должен сказать?

Дина посмотрела на неё прямо.

— Не сказать. Предложить.

Тишина уплотнилась.

— Например, отдельный счёт или аккредитив, который создаётся на период беременности и первых лет жизни ребёнка. Чтобы женщина не зависела от его настроения, кризиса, усталости, новой любви, обиды или внезапного «я такого не обещал».

По кругу прошёл тихий выдох.

— Это вообще возможно? — почти шёпотом спросила Аня.

— Да, — спокойно ответила Дина. — Если мужчина понимает, что делает. И если он понимает, что ребёнок — это не романтическая картинка, а изменение экономики, тела, карьеры, времени и энергии женщины.

Она продолжила:

— Дальше. Он обсуждает официальный доход женщины.

Лиза нахмурилась:

— Даже если она не работает?

— Особенно если не работает, — мягко поправила Дина.

Пауза.

— Потому что в этот момент она работает.

— Просто эта работа невидима для рынка.

Марина тихо сказала:

— Дом, дети...

— Да.

— Беременность.

— Роды.

— Восстановление.

— Ночные пробуждения.

— Эмоциональная регуляция всей семьи.

— Огромное количество психической нагрузки, которую никто не считает трудом, пока она не исчезает.

В круге стало совсем тихо.

— И эта работа должна быть признана. Не эмоционально. Не «ты у меня умница». А структурно.

Пауза.

— Поэтому обсуждается регулярная официальная выплата. Не «на карточку с барского плеча». Не «если надо — попроси». А как договорённая часть системы.

Рита поймала себя на том, что сидит неподвижно и даже не моргает. Всё, что раньше в её голове жило в виде туман-

ных обид, неоформленной тревоги, женской интуиции без языка, вдруг получало названия. Не просьба. Не наглость. Не меркантильность. А ясность.

Дина продолжила:

— Дальше — альтернативные издержки.

Лиза прищурилась:

— Это что?

— Это то, что женщина теряет, — ответила Дина. — Пока не зарабатывает на рынке.

Пауза.

— Карьерный рост.

— Доход.

— Репутацию.

— Навыки.

— Скорость развития.

— Возможности, которые в её сфере могли бы открыться именно в эти годы.

Она обвела взглядом круг.

— И зрелый мужчина это понимает.

Тишина слушала.

— И закладывает компенсацию за этот период.

Пауза.

— Не потом.

— Не «если что».

— Не «посмотрим по обстоятельствам».

Ещё пауза.

— А заранее.

Девушка прошептала:

— Это звучит как контракт.

Дина кивнула.

— Потому что это и есть контракт.

Она продолжила:

— Брачный договор. Или отдельное юридическое соглашение. В котором прописано не только, кому что достанется при разводе...

Пауза.

— А как вы живёте вместе.

Лиза тихо спросила:

— Прямо подробно?

— Да.

Дина кивнула.

— Например:

— кто оплачивает период восстановления женщины после ухода за детьми;

— до какого уровня дохода она должна быть доведена после возвращения в работу;

— учитывается ли тот карьерный рост, который у неё мог бы быть за эти годы;

— кто оплачивает её переквалификацию, если после материнства она решит сменить сферу;

— будут ли помощницы;

— кто оплачивает няню, домработницу, послеродовую помощь;

— как распределяются обязанности по дому и ребёнку;

— насколько мужчина физически вовлечён, а не просто «иногда помогает».

Лиза хмыкнула:

— А не «я посижу с ребёнком в воскресенье, если не устану»...

В круге прошёл короткий, очень узнающий смешок.

— Да, — кивнула Дина. — А участвует как равный. И это тоже можно фиксировать. Юридически. С обязательствами. Со штрафами. С последствиями в случае нарушения.

Кто-то прошептал:

— Жёстко...

Дина мягко ответила:

— Чётко.

Пауза.

— Потому что там, где нет ясности...

Она посмотрела на женщину слева, потом на ту, что сидела у окна, потом на совсем молодую девушку.

— Появляется боль.

И ещё тише:

— И это не про недоверие.

— Это про уважение.

Марина сказала почти себе:

— Если бы я это услышала в двадцать...

Она не договорила.

Но смысл повис в воздухе, как горький свет.

Лиза добавила:

— Нас вообще этому не учат.

— Нет, — кивнула Дина. — Нас учат надеяться. Терпеть.

Подстраиваться. Вдохновлять. Верить, что он сам когда-нибудь догадается.

Пауза.

— Но не договариваться.

Рита почувствовала, как внутри поднимается странное ощущение.

Не протест.

Не страх.

А ясность.

Как будто туман начал расходиться.

Дина посмотрела на круг:

— И когда женщина знает свою ценность... она не боится таких разговоров.

Пауза.

— Потому что она не просит.

Её голос стал тише.

— Она выбирает.

Тишина.

И в этой тишине уже рождался другой мир.

Не из сказок.

Не из обещаний под луной.

А из договорённостей.

Где любовь — это не туманное «навсегда»,

а система действий, в которой обоим есть на что опереться.

Слова о договорах ещё звенели в воздухе, как тонкая струна, когда вдруг — резкий звук, почти как треск.

— Фу! Меня бесят такие женщины!

Голоса в круге оборвались.

Женщина постарше, с жёстко сжатыми губами, почти вскочила с места.

— Продажные! — голос её сорвался. — Торгуют собой, как товаром!

Кто-то тихо сказал:

— Тише...

Но её уже несло.

— Разфуфыренные... ложатся с мужчинами без любви ради денег!

— Выманивают у них брюлики, шубы...

— А потом кидают!

Тишина сжалась.

— Бедный мой сыночек... — голос вдруг дрогнул.

И в этом надрыве злость треснула, как лёд по весне.

— Он так страдал из-за одной такой...

— У него бизнес из-за неё развалился...

— Мне кажется, он теперь ненавидит всех женщин...

Она закрыла лицо руками.

— И меня в том числе...

Слёзы текли уже свободно.

Круг не зашумел.

Не кинулся спорить.

Он стал мягче.

Тише.

Как будто все одновременно сделали шаг ближе.

Дина тоже опустила глаза.

И вдруг — заплакала.

Тихо.

Без надрыва.

Словно её задело не словами, а корнем.

— Да... — сказала она сквозь дыхание. — Такое тоже бывает.

Пауза.

Она подняла взгляд.

— Когда девочка вырастает в мире, где её ценность всё время обесценивают...

— Или наоборот, сводят только к внешнему и выгоде...

Она провела ладонью по груди.

— У неё ломается ощущение человека.

Тишина слушала.

— И тогда она начинает видеть в мужчине...

— не личность,

— не душу,

— не партнёра.

Пауза.

— А ресурс.

Лиза тихо сказала:

— Кошелёк.

— Да, — кивнула Дина. — И это тоже искажение.

Она вытерла слёзы.

— Просто с другой стороны.

Пауза.

— Точно так же, как женщину веками делали вещью... иногда травмированная женщина начинает делать вещью мужчину.

В круге стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивает фитиль свечи.

— Это тоже из-за отсутствия осознания ценности человека.

— Ценности мужчины.

— И ценности женщины в частности.

Она посмотрела на плачущую женщину.

— Видеть в мужчине человека, личность, партнёра...

— а не просто дающего блага и детей.

— Не того самого принца, который должен решить все проблемы.

— Тем более проблемы в твоей голове.

Никто не улыбнулся. Но в воздухе что-то сдвинулось. Как будто правда была слишком серьёзной, чтобы её сразу переварить.

— Гармоничные отношения, — продолжила Дина тише, — между людьми одного или разного пола, неважно...

— это отношения двух личностей.

— Двух душ.

Пауза.

— Печально, что мы часто стараемся разыгрывать их по шаблону.

— По сценарию.

— Не вдумываясь.

— И не видя партнёра.

Женщина в возрасте медленно убрала руки от лица. Она всё ещё плакала, но уже не от ярости. От боли, в которой наконец появилось место для мысли.

Рита сидела и чувствовала, как слова Дины не просто звучат, а будто перестраивают что-то внутри.

Медленно.

Как если бы старый дом аккуратно разбирали по кирпичу, чтобы на его месте построить новый.

Где женщина не ждёт спасения.

Не доказывает свою ценность.

Не терпит из страха.

А стоит.

Спокойно.

Уверенно.

И рядом с ней остаётся только тот, кто способен стоять рядом.

Тишина стала такой глубокой, что в ней уже почти слышалось дыхание каждой.

И именно в этот момент дверь открылась.

Не резко.

Почти беззвучно.

Но звук был таким, будто кто-то повернул ключ в очень старом замке.

Рита не сразу подняла глаза.

Сначала тело почувствовало.

Как будто в пространстве появился новый импульс. Чужой. Сильный. Тот, от которого воздух меняет плотность.

Она медленно перевела взгляд к двери.

Рита не сразу узнала его лицом. Сначала телом. Как узнают дом по запаху дерева в темноте. Как узнают тепло руки, даже если прошло полжизни.

У неё дрогнули пальцы.

— Саня...

Глава 3. Девочка с солнцем в волосах

В тот год весна пришла рано и как-то не по календарю, а по дерзости.

Сугробы ещё не сошли до конца. Во дворах темнели рыхлые островки снега, у заборов лежали серые, упрямые пласты зимы, а земля уже дышала иначе, влажно, пряно, будто под ней кто-то очень живой ворочался во сне и вот-вот собирался проснуться. Воздух пах талой водой, ржавым железом качелей, корой, отогретой солнцем, и чем-то ещё почти неуловимым, от чего в груди делалось шире.

Рите было девять.

Она шла вдоль школьного забора и думала не о школе. И не о людях. И даже не о том, как бы не запачкать колготки, если снова полезет туда, куда нормальные девочки не лазают. Она думала о том, что чудо почему-то всегда приходит раньше, чем его ждёшь. Так, будто у чуда нет терпения соблюдать человеческие сроки.

И чудо действительно было там.

За забором, у самой земли, почти уткнувшись в последний зернистый снег, росли маленькие жёлтые мать-и-мачехи. Такие ранние, что от одного их вида хотелось смеяться и плакать одновременно. Они выглядели так, будто кто-то

взял кусочек солнца и воткнул его прямо в грязноватый весенний двор.

— Ура... — вырвалось у Риты.

Не слово даже. Вздых, вскрик, счастье.

Она оглянулась по сторонам, будто боялась, что цветы сейчас заметят и отберут, и, не думая больше ни о чём, ловко перелезла через забор. Пальто зацепилось за гвоздь, колготка на колене сразу намокла, ботинок провалился в рыхлую чёрную землю, но Рита этого почти не заметила.

Она присела перед цветами на корточки.

Близко-близко.

Так, что могла рассмотреть тёмные прожилки на лепестках, крошечные комочки земли у стеблей, тонкий золотой пух в серединках. Цветы стояли маленькой дерзкой стайкой, будто не спрашивали ни у кого разрешения жить. И это тронуло её так сильно, что на секунду в горле стало тесно.

— Какие же вы смелые, — прошептала она. — Как можно вас не любить?

Для Риты это не было странностью. Мир ведь и правда разговаривал. Не словами, конечно. Но бликами, запахами, дрожью веток, солнечными пятнами на воде, внезапным теплом в груди. Просто взрослые переставали это слышать и потом называли тишиной то, что на самом деле было полным голосов.

За спиной послышался велосипедный звонок.

Потом ещё один.

Потом визгливый девчачий голос, который влетел в воздух раньше самих велосипедов:

— Не подходи к ней! Она странная! Только что разговаривала сама с собой и перелезла через забор!

Рита вздрогнула и обернулась.

Солнце било из-за спин, поэтому сначала она увидела только свет. Он вспыхнул в металлических спицах, на руле, на растрепавшихся прядях тёмных волос одной девочки, на светлой рубашке мальчика. А потом лица начали проступать из этого сияния, как из воды.

Девочка была постарше, худенькая, быстрая, с острыми коленками, с тонкими губами, вечно готовыми к нападению, и глазами, в которых жили одновременно смех и обида. Она сидела на велосипеде так, будто он был не средством передвижения, а частью её характера. Позже Рита узнает, что это Нюрка, и поймёт: некоторые люди рождаются уже как порыв ветра. Не злые. Просто слишком резкие, чтобы сразу быть понятыми.

А рядом с ней был мальчик.

И вот он-то ударил Риту по сердцу так, что воздух из груди вышел весь сразу.

Он был старше. Высокий для своих лет, ещё не нескладный, а уже длинный. Светловолосый не по-детски мягко, с теми тёмными, чуть влажными от весеннего ветра ресницами, которые почему-то всегда бывают у мальчиков, не подзревающих, что красивы. Его глаза Рита потом долго не мог-

ла описать даже самой себе. Не зелёные. Не карие. Не серые. В них было что-то тёплое, солнечное и глубокое сразу, как если бы кто-то смешал мёд, листву и речную воду.

Он смотрел на неё не так, как смотрят на странных девочек.

Не настороженно.

Не насмешливо.

Не оценивающе.

Он смотрел на неё так, будто она действительно только что вылетела из-за забора.

Как чудо.

Рита никогда раньше не видела такого взгляда. От него по её телу сразу побежали тёплые мурашки, будто кто-то невидимый взял её за плечи изнутри и тихо встряхнул.

Мальчик затормозил так резко, что чуть не слетел с велосипеда.

Протёр глаза тыльной стороной ладони.

И, собрав в себе весь воздух, какой смог, сказал с поразительно серьёзной для мальчишки прямоотой:

— Девочка, ты такая красивая. Как тебя зовут?

У Риты просияло лицо.

Она хотела ответить сразу. Хотела даже не просто назвать имя, а сказать что-то хорошее в ответ. Что он тоже красивый. Что у него очень добрые глаза. Что он появился как раз в тот

момент, когда мир и без того был слишком прекрасен, и от этого всё стало почти невыносимо. Но мурашки разлились по телу такой волной, что её голос просто исчез.

Она улыбнулась.

И, сама не понимая зачем, протянула ему один маленький жёлтый цветок.

Солнце играло в её волосах.

Русых, чуть рыжеватых, чуть выющихся на концах. Они никогда не лежали как надо, а в такую погоду и вовсе оживали отдельно от неё: тонкие пряди поднимались ветром, ловили свет и будто начинали светиться сами. Мать иногда сердилась, называла их «лохматым веником», но мальчик на велосипеде смотрел на них так, будто в мире не было ничего прекраснее.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать.

Рита видела, как слова уже подошли к самому краю. И не вышли.

Нюрка подлетела ближе и почти ткнулась рулём ему в бок.

— Я же говорю, странная, — зашипела она уже тише, но так, чтобы Рита тоже услышала. — Тебя в школе засмеют. Видишь, молчит.

Печаль так резко ударила Риту, что у неё потемнело внутри. Не снаружи, нет. Мир остался тем же: солнце, забор, цветы, мокрая земля. Но внутри будто мгновенно пролили холодную воду на что-то очень нежное и только-только расправившееся.

Мальчик дёрнулся.

Она увидела — он стыдится.

Не её. Себя.

Но это ничего не изменило.

Он поехал за Нюжкой.

Не быстро. Не уверенно. Будто сам не понял, как уже тронулся с места.

Рита осталась у забора одна.

В руке у неё ничего не было. Цветок остался у него.

Она смотрела вслед удаляющимся велосипедам и чувствовала, как тёплые мурашки всё ещё бегают по телу, только теперь в них почему-то поселилась боль.

— Это они больные, а не я, — сердито шепнула она цветам. — Особенно эта велосипедная девка.

Ей очень хотелось верить, что это правда.

Хотелось удержать в себе хотя бы одну вещь: мысль, что с нею всё в порядке.

Через несколько секунд она слышала, как где-то далеко за поворотом скрипнули тормоза.

Потом ещё.

Потом тишина.

А потом мальчик вернулся.

Уже один.

Рита не видела самого момента, когда он снова появился у забора, потому что в ту секунду как раз перелезала обратно. Но почувствовала его раньше, чем заметила. То самое тепло

снова ударило по телу. Она подняла голову.

Он был совсем рядом.

Смотрел на неё виновато, растерянно, решительно и будто ещё на что-то надеясь.

Но Рита испугалась.

Не его.

Того, как сильно ей уже хотелось, чтобы он снова заговорил.

Она соскочила на дорожку, схватилась за мокрый край забора, развернулась и побежала, не разбирая дороги. Только бы не заплакать у него на глазах. Только бы не выдать, как важен оказался этот его один взгляд.

За спиной ничего не звучало. Ни оклика, ни смеха, ни шин по асфальту.

Только сердце колотилось так, будто хотело вырваться и остаться там, у школьного забора, рядом с цветами и мальчиком, который сначала подъехал, а потом уехал.

Саня ездил по району до самого заката.

Он сам не знал, что именно ищет. Дом? Окно? Двор? Девочку? Он запомнил слишком мало, чтобы искать разумно, и слишком много, чтобы перестать искать. Свет в её волосах. Улыбку. Тонкие пальцы, протягивающие мать-и-мачеху. И глаза странного цвета, в которых было столько тепла, что он до сих пор чувствовал его в груди.

Мать-и-мачеха, которую она ему дала, уже начала поникать в ладони.

Он держал её так осторожно, будто это был не цветок, а доказательство того, что всё случилось на самом деле.

— Я тебя найду, — сказал он закату, когда улицы уже стали оранжевыми, а деревья потемнели. — Обязательно.

Слова прозвучали тихо.

Но в груди после них вдруг разлилось что-то очень тёплое и странное. Не просто радость. Не просто счастье. Будто внутри стало больше места. Будто сердце у него оказалось не там, где у всех, а немного шире, и теперь по нему шёл свет.

Саня не понимал, что это.

Но ему нравилось.

Дома он взял с полки старую книгу сказок, спрятал туда мать-и-мачеху и закрыл между страниц так бережно, как будто совершал клятву.

Цветок должен был сохраниться.

Хотя бы он.

Хотя бы память о том, что в его жизни однажды появилась девочка с солнцем в волосах.

Весна после этого как будто пошла иначе.

Саня стал тише.

Взрослые говорили, что он повзрослел. Что стал серьёзнее. Что на него можно положиться. Мама с нежностью гладила его по голове, отец одобрительно прищуривался и называл наконец «мужиком», хотя Сане от этого слова делалось только неуютнее. Он не чувствовал себя мужиком. Он чувствовал себя человеком, у которого появилось что-то тайное

и очень большое.

Нюрка сначала бесилась.

Потом смеялась.

Потом пыталась делать вид, что ей всё равно.

Но Саня и правда изменился. Он больше не втягивался в её бесконечные соревнования, хотя ездил на велосипеде по-прежнему превосходно. Просто теперь скорость перестала казаться ему главным смыслом движения. Нюрка обожала мчаться, будто хотела доказать самой дороге, что победит её. Саня же всё время смотрел по сторонам: на драку ворон в луже, на блеск стекла у разбитой теплицы, на клейкие листья тополя, на первые тонкие травинки у обочины.

— Ну что ты плетёшься? — кричала Нюрка с конца улицы. — Опять влюбился в какой-нибудь листик?

— Не в листик, — отвечал он.

— А во что?

Саня пожимал плечами.

Он не собирался никому рассказывать о девочке с солнцем в волосах. Тем более Нюрке. Тем более сейчас, когда сам ещё не понимал, как можно носить в себе такое чувство и не светиться им наружу, как фонарь.

Но всё равно светился.

Нюрка видела это. И злилась так, будто ей не объяснили правил игры, а она уже проиграла.

Лето подошло быстро.

Саня всё искал.

Сначала осторожно. Потом почти одержимо. После школы делал круги мимо забора, как будто девочка могла появиться снова просто из-за силы его ожидания. Он придумал этому месту имя — Колыбель солнца. Ему казалось, что именно там что-то началось не только у цветов, но и в нём самом.

Он искал всё лето.

И не нашёл.

Потом пришла новость.

Переезд.

Отец получил повышение. Семья должна была уезжать в столицу.

Саня сначала не понял смысла сказанного. Слова матери долетали будто из воды, медленно, глухо, с задержкой. Только когда она обняла его, он вдруг осознал: если они уедут сейчас, он может больше никогда не увидеть девочку с солнцем в волосах.

Это осознание обрушилось на него целиком.

Он опустился прямо на пол, не потому что хотел драматизировать, а потому что ноги перестали держать.

— Значит, я так и не смогу найти её, — сказал он с такой беспомощной прямоотой, что мать замолчала.

— Найти кого? — тихо спросила она.

Он вытер лицо ладонью. Только тогда понял, что плачет.

— Девочку с солнечными волосами.

Мать смотрела на него долго. Не насмешливо. Не испуган-

но. Скорее так, как женщины смотрят на мальчиков в первый момент, когда понимают: детство уже не вернётся в прежнем виде.

— Почему же ты не познакомился? — спросила она.

Саня закрыл глаза.

— Я струсил.

Слово ударило его самого.

Да, именно это и произошло. Не Нюрка виновата. Не весна. Не возраст. Он сам. Он выбрал стыд вместо верности своему чувству. И теперь платил за этот выбор заранее, ещё до отъезда.

— Мне очень надо извиниться перед ней, — сказал он.
— Очень.

Но переезд не отменили.

Отец уезжал первым. Мать не могла остаться одна с вещами и ребёнком. Жизнь взрослых, как оказалось, не меняла курс только потому, что мальчик однажды увидел солнце в чужих волосах и понял про мир что-то главное.

В ночь перед отъездом Саня пришёл к школьному забору.

Было темно. Воздух пах мокрой травой и металлом. Матери-мачехи давно исчезли. Земля уже всё забрала обратно. У него в кармане лежал кусок мела.

Он долго стоял перед досками, не решаясь.

Потом написал:

Я тебя люблю. Прости меня.

И рядом попытался нарисовать одуванчик. Получилось

криво. Больше похоже на кляксу со щетинками. Но ему очень хотелось верить, что если она увидит, то поймёт: это для неё.

Для девочки, которая разговаривала с цветами.

Для девочки, в чьих волосах солнце однажды повело себя как живое.

В столице жизнь оказалась слишком быстрой.

Школа. Учёба. Люди. Новый ритм. Новые голоса. Новые требования. Всё было крупнее, громче и как будто настоячее. Здесь даже воздух не просил, а требовал. Отвечай. Беги. Решай. Соответствуй.

Но девочка с солнцем в волосах не ушла.

Наоборот.

Она стала как внутренний источник света, который вспыхивал иногда так резко, что у Сани дыхание сбивалось прямо в метро, на лестнице, у витрины, на уроке. Он носил её в себе не как воспоминание даже, а как знание: в мире есть нечто настолько прекрасное и настоящее, что ради этого стоит быть лучше, чем ты был в тот момент у школьного забора.

Он никому не рассказывал об этом.

Даже матери.

Только иногда открывал книгу сказок, где между страниц лежала высохшая мать-и-мачеха, уже почти прозрачная, и сидел над ней молча, пока внутри не становилось снова тихо.

Прошло два года.

Он вырос. Вытянулся. Научился держать удар, не теряя

равновесия. Мальчишки во дворе прозвали его Кузнечиком, потому что в драках он почти не бил первым, только уворачивался, отпрыгивал, ускользал. Прозвище ему понравилось. В нём было движение, а не тяжесть. Жизнь, а не поза.

Но главное в нём не изменилось.

Он всё ещё ждал.

Родители не любили возить его обратно в город. Сначала говорили, что некогда. Потом, что незачем. Потом просто отшучивались, будто его история про девочку с солнечными волосами была милой детской нелепостью, которая однажды сама рассосётся, как корочка от детской ранки.

Саня знал, что не рассосётся.

Поэтому копил деньги.

Работал летом.

Считал.

Отказывался от лишнего.

И, когда смог, купил билет сам.

Прилетел в конце октября.

Осень в родном городе встретила его золотом и тихой прозрачной грустью. Листья шуршали под ногами, воздух был такой ясный, что от него немного болели лёгкие, а солнце не грело, а светило изнутри вещей.

Саня часами бродил вокруг того самого места у школьного забора.

Ему стало страшно только одно: что он не узнает её.

Что сохранил слишком мало.

Что помнит только свет в волосах, странный цвет глаз и то ощущение, будто рядом с ней он вдруг стал больше, чем был до этого.

Но сердце, как оказалось, не подводит там, где память бес-
сильна.

В тот день оно вспыхнуло в нём так резко, что он даже
остановился.

Просто среди улицы.

Ни с того ни с сего.

Тепло разлилось по груди, мурашки побежали по телу,
как тогда, два с половиной года назад, у школьного забора.

— Но где же ты?.. — тихо выдохнул он.

И тут увидел её.

Сначала не лицо.

Фигуру.

Маленькую, стремительно бегущую по улице. Совсем
юную. С заплаканным, как потом выяснилось, лицом. Воло-
сы были заплетены, и всё равно в них играло солнце. Не си-
яло снаружи, а будто жило внутри каждой пряди.

Она неслась прямо на него, глядя не под ноги, а в небо,
как человек, который ещё надеется успеть к чему-то очень
важному.

Саня не отошёл.

Он только успел раскинуть руки и чуть расслабить тело,
чтобы не ушибить её сильнее.

Они врезались друг в друга.

Удар вышел мягким.

Он успел удержать её, почти поймать, почти не дать упасть.

На секунду мир сжался до очень простых вещей: её дыхания, солнца в её волосах, тёплого веса маленького тела, которое тут же попыталось выскользнуть.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая глаз.

Та же мурашечная беспомощность ударила в него, что и в первую встречу. Ему хотелось сказать сразу всё: что он искал её, что не забывал, что это он, что она прекрасна, что он так и не простил себе того уезда.

Вышло только едва слышное:

— Ничего страшного. С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю. Прости, что уехал тогда на велосипеде.

Но она уже бежала дальше.

Не слышала.

Саня остался на месте ещё на секунду.

Потом пошёл следом.

Не близко. Не навязчиво. На расстоянии, на котором ещё можно заботиться, не пугая.

Она спешила к пруду.

И когда села на старую корягу у воды, он вдруг понял: нет, он не ошибся.

Она шла на встречу с солнцем.

Закат уже начинал опускаться за горизонт. Вода в пруду переливалась густо и медово, солнце дробилось на ней сотнями тонких золотых дорожек, а девочка с солнцем в волосах сидела на коряге и смотрела так, будто мир в этот момент действительно имел смысл.

Саня остановился в тени деревьев.

Он не подошёл.

Не потому что не хотел.

Потому что снова не мог справиться с речью.

Тепло уже разлилось по груди. Мурашки бежали по рукам. Голос будто кто-то у него отнял и сказал: подожди. Посмотри. Запомни.

Он смотрел.

Видел, как у неё постепенно расправляются плечи. Как уходит с лица дневная боль. Как солнце входит в неё через прищуренные ресницы, и от этого она становится не просто красивой, а такой живой, что почти больно смотреть.

И в тот момент он понял ещё одну вещь.

Он хочет не просто найти её.

Он хочет защищать её от того, что делает её вот такой печальной до заката.

Но как — не знал.

Это бессилие жгло.

И любовь тоже жгла.

И оттого ему стало удивительно хорошо и тяжело сразу, как бывает, когда в тебе помещается больше света, чем ты,

как тебе кажется, способен вынести.

Он проследовал за ней до самого дома.

Несколько раз пытался заговорить.

Не смог.

Зато теперь знал, где она живёт.

А это было уже почти чудо.

Он вернулся в гостиницу поздно ночью и долго лежал без сна.

Смотрел в потолок.

Слушал, как за окном редко проезжают машины.

И думал только об одном: завтра он пойдёт рядом с ней в школу. С рюкзаком, будто просто старшеклассник, которому по пути. И на этот раз не уедет.

Он найдёт слова.

Обязательно.

Потому что девочка с солнцем в волосах не должна больше исчезнуть просто из-за того, что у него снова подвёл язык.

Рита не знала, куда себя деть.

Не метафорически — буквально. В теле не было места, где можно было бы стоять спокойно. Всё внутри словно сместилось, съехало, стало чужим. Хотелось взмахнуть крыльями и исчезнуть, но крылья, если они когда-то и были, давно куда-то пропали.

— Почему твой отец такой... — голос матери резал, не

договаривая слова до конца, но Рита и так знала их все.

Они били не в уши.

В грудную клетку.

Прямо в центр.

Слова не просто звучали — они ложились на неё тяжёлым слоем, липким, вязким, как если бы её по пояс заливали тёплой грязью. Отчаяние, злость, усталость, обида, накопленная годами, — всё это выходило из матери потоком, в котором Рите не оставалось ни воздуха, ни пространства.

Она стояла посреди комнаты.

Почти не двигаясь.

Как будто её вкопали.

Отвечать было нельзя. Рита знала это уже слишком хорошо. Любое слово — и поток усилится. Станет громче, быстрее, больнее. Мать не остановится. Пройдёт по ней, как танк, пока не останется ничего, кроме пустоты и дрожи.

Поэтому Рита молчала.

И ждала.

Когда это закончится.

В голове всплывали мысли, резкие, чужие, как обрывки чужих разговоров:

Почему меня никто не защищает?

Почему все ненавидят друг друга, но продолжают жить вместе?

Зачем жертвовать собой, чтобы потом убивать этим же?

Чем я провинилась?

С каждым словом матери внутри становилось холоднее.

И вдруг — свет.

Не снаружи.

Сначала в глазах.

Потом — на полу.

Рита опустила взгляд.

Сквозь тонкую тюль на полу лежали солнечные пятна. Неровные, живые. Тюль чуть покачивалась от приоткрытой форточки, и свет двигался вместе с ней — мягко, плавно, будто дышал. Он прыгал с ковра на паркет, дробился, собирался, менял оттенки, как если бы играл сам с собой.

Рита смотрела.

И вдруг заплакала.

Не всхлипывая.

Не сжимаясь.

Не закрывая лицо.

Слёзы просто текли.

Тело всё ещё стояло, тяжёлое, чужое, как будто наполовину закопанное в землю, но где-то глубже появилось ощущение: *я ещё здесь.*

— Как же всё-таки красиво, — подумала она сквозь слёзы.
И в этом не было противоречия.

Можно было стоять по пояс в чужой боли — и одновременно видеть, как свет танцует на полу.

Свет не отменял боли.

Но не давал ей стать всем.

Постепенно голос матери стал тише.

Потом — мягче.

Потом в нём появились нотки жалости, как будто она сама испугалась того, что выплеснула.

— Пойдём, — сказала она уже иначе. — Чай попьем.

Рита кивнула.

Коричневая тяжесть внутри не исчезла, но стала менее вязкой. Уже можно было двигаться. Медленно. Осторожно. Как человек, который привык ходить, когда ноги ещё не до конца слушаются.

Она знала: через несколько минут её отпустят.

И она выйдет.

К солнцу.

Мысль о закате появилась как спасательный круг.

Закат, закат, закат.

Она держалась за него, как за верёвку.

Когда наконец вышла из квартиры, тело было тяжёлым. Руки не поднимались до конца. В груди ныло. Ноги шли чуть вразвалку, как будто земля под ними ещё не решила, отпустить её или нет.

Но небо уже розовело.

Рита подняла голову.

— Успею, — прошептала она.

И побежала.

Получалось плохо.

Тело не слушалось, дыхание сбивалось, в какой-то момент она задела вазу у входа, та упала, вода расплескалась по полу, пришлось возвращаться, вытирать, переодеваться. Это отняло драгоценные минуты.

Теперь она уже не бежала — она догоняла.

Закат.

Свет.

Себя.

— Только бы успеть, — повторяла она.

И именно в этот момент врезалась.

Во что-то мягкое.

Точнее — в кого-то.

Удар оказался неожиданно бережным.

Будто её не остановили, а поймали.

Рита вздрогнула.

Опустила глаза.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая головы.

Она не смотрела на него.

Старая детская привычка: если не видишь — будто и тебя не видно.

Но голос она слышала.

Тихий.

С чуть заметным дыханием между словами.

— Ничего страшного... С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю... Прости, что уехал тогда на велосипеде...

Она не слышала смысл.

Слова прошли мимо.

Как ветер.

Рита уже бежала дальше.

К пруду.

Когда она добралась до коряги, солнце уже на треть ушло за горизонт.

Она села.

Сразу.

Как будто больше не могла стоять.

Дыхание постепенно выравнилось.

Слёзы высохли.

Она прищурилась — и позволила свету войти.

Он лился внутрь через ресницы, через глаза, через кожу. Тёплый, густой, как мёд. Он проходил сквозь грудь, где ещё недавно застревали слова матери, и что-то там осторожно освобождал.

Шипы отваливались.

Не сразу.

Но один за другим.

Тело начало чуть подрагивать — как бывает после плача, когда напряжение выходит само, без разрешения. Рита вовремя это заметила и остановила. *Только бы никто не увидел.*

Солнце лечило.

Она знала это уже давно.

— Как же хорошо, — прошептала она.

И вдруг поймала мысль.

Эти мурашки...

Они снова побежали по телу.

Такие же.

Как тогда.

У забора.

Когда мальчик на велосипеде сказал, что она красивая.

Рита чуть улыбнулась.

— Интересно... почему я сегодня так часто о нём думаю?

Солнце медленно опускалось.

И как будто отвечало:

А разве для радости нужна причина?

Она улыбнулась шире.

И впервые за весь день почувствовала не просто облегчение — радость. Тихую, беспричинную, как будто она принадлежала не событиям, а самому миру.

Саня стоял в тени деревьев.

Он видел всё.

Не каждую деталь — состояние.

Он видел, как она пришла — сжатая, как пружина.

Как села — будто у неё больше не осталось сил.

Как постепенно отпустило плечи.

Как лицо стало мягче.

Как свет начал жить в ней.

Он не сомневался.

Это она.

Та самая.

Девочка с солнцем в волосах.

Теперь волосы были собраны в косу, но отдельные пряди выбивались, ловили закат и загорались тёплым, живым светом. Не отражали — держали его.

Саня сделал шаг вперёд.

И остановился.

Тепло уже разлилось по груди. Знакомое. Сильное. Почти болезненное.

Слова не шли.

Он снова оказался тем мальчиком у забора.

Только теперь понимал больше.

Он не должен сейчас вторгаться.

Она не для того пришла сюда, чтобы с ней говорили.

Она пришла — дышать.

И он остался.

Смотрел.

Учился молчать рядом.

Он увидел, как она улыбается закату.

И в этот момент понял:

он хочет не просто быть рядом.

Он хочет, чтобы у неё было больше таких моментов.

Чтобы никто и ничто не могло забрать у неё это состояние.

Но как это сделать — не знал.

Поэтому просто стоял.

И чувствовал, как внутри становится больше света, чем раньше.

Когда солнце почти скрылось, Рита встала.

Медленно.

Как человек, который снова научился двигаться.

Она пошла домой.

Саня — за ней.

На расстоянии.

Не скрываясь, но и не приближаясь.

Он провёл её до самого подъезда.

Там остановился.

Дальше идти было нельзя.

Не по правилам.

Не по возрасту.

Не по какому-то внутреннему ощущению границы, которое он пока не мог объяснить, но уже чувствовал очень точно.

Он смотрел, как она заходит.

Как закрывается дверь.

И только тогда позволил себе выдохнуть.

Завтра, — подумал он.

Завтра я заговорю.

Он уже знал, как.

Просто будет рядом.

Пойдёт в ту же сторону.

С рюкзаком.

Как будто ему тоже в школу.

И на этот раз не отступит.

Потому что девочка с солнцем в волосах больше не должна исчезнуть из его жизни из-за его молчания.

Он стоял у подъезда ещё несколько секунд.

Потом развернулся.

И пошёл в ночь, в которой уже не было той пустоты, что была раньше.

Внутри у него горел тихий, упрямый свет.

И он знал:

это только начало.

На следующее утро он вышел раньше.

Надел рюкзак.

Не потому что надо —

чтобы не пугать.

Стоял у поворота к школе и делал вид, что просто ждёт

кого-то.

Сердце билось странно ровно.

Как перед чем-то важным.

Она появилась не сразу.

Сначала — свет.

Потом — она.

Рита шла быстро, почти бежала, глядя в небо, как будто проверяла, на месте ли солнце.

Саня сделал шаг.

Потом ещё один.

И в этот раз — не остановился.

— Привет, — сказал он.

Голос вышел тише, чем хотелось, но уже настоящий.

Рита вздрогнула.

Подняла глаза.

И замерла.

Зелёно-карие.

Те самые.

Взгляд, который уже когда-то держал её — и не отпустил.

Тепло ударило в грудь.

Сразу.

Мурашки — как тогда.

— Ты красивая, — сказал он, не успев придумать ничего умнее. — Как тебя зовут?

Рита попыталась ответить.

Не получилось.

Тело снова решило за неё.

Она улыбнулась.

И этого оказалось достаточно.

— Замёрзла? — быстро добавил он, спасая её молчание.

— Да, — выдохнула она, благодарная за возможность хоть

что-то сказать.

— Я Саня.

— Рита...

Имя прозвучало как что-то знакомое.

Как будто он знал его всегда.

Они пошли рядом.

Не договариваясь.

Не синхронизируя шаг.

Но темп совпал сразу.

— Ты в каком классе?

— В шестом...

— Маленькая, — сказал он и тут же испугался, что это прозвучало неправильно. — В смысле... это не важно.

Рита тихо засмеялась.

И напряжение чуть отступило.

— Ты любишь велосипеды? — спросил он вдруг.

— Не умею, — честно ответила она.

Саня остановился.

Посмотрел на неё внимательно.

Как будто принял решение.

— Тогда сегодня научу.

— Сегодня?

— Да.

— В два?

Она кивнула.

И впервые посмотрела на него прямо.

Осознанно.

Солнце зацепилось за её волосы.

Разложилось на тонкие нити.

И Саня снова подумал:

солнце не снаружи — оно в ней.

В два он был на месте раньше.

С велосипедом.

Маленьким.

Нелепым для него.

Идеальным для неё.

Он не сел.

Он бежал рядом.

Держал руль.

Подстраивался под её неуверенность.

Не отпускал.

И не давал почувствовать, что она не справляется.

— У тебя получается, — говорил он.

Хотя она падала почти сразу.

— Нет...

— Да.

— Я худшая...

— Ты просто учишься.

Она смеялась.

Потом почти плакала.

Потом снова смеялась.

Через пятнадцать минут ей казалось, что прошёл час.

Через час — что прошла жизнь.

И в этой жизни было что-то совершенно новое:
кто-то рядом,

кто не торопит,

не раздражается,

не давит.

Они дошли до пруда.

Сели на корягу.

Ту самую.

— Я здесь играл в детстве, — сказал он.

— Я тоже, — удивилась она.

И это «тоже» стало между ними мостом.

Он говорил.

Много.

Легко.

За двоих.

Чтобы ей не пришлось.

И это было самым точным попаданием.

Он не требовал ответа.

Не ждал.

Просто был рядом.

И в этом было столько уважения,

что Рите впервые стало спокойно.

Она слушала.

И чувствовала:

её не нужно исправлять.

Когда он рассказал про тот день с велосипедом —
она не выдержала.

Заплакала.

И уткнулась ему в грудь.

Сразу.

Без разрешения.

Без мысли.

Как будто знала:

здесь можно.

Он замер.

Потом осторожно обнял.

Очень аккуратно.
Будто держал свет.

Неделя пролетела.
Не днями.
Состоянием.
Он провожал её.
Забирал.
Учился вместе с ней.
Учил её.
Смеялся.
Молчал.
Смотрел, как солнце ложится в её волосы.
И каждый раз думал:
я должен стать сильнее.
Не ради себя.
Ради неё.

Перед отъездом он сказал:
— Я буду помогать тебе поступить.
— В столицу?..
— Да.
— Я не смогу...
— Сможешь.

Он сказал это спокойно.

Как факт.

И она поверила.

Сразу.

Они стояли у автобуса.

— Мы будем писать, — сказал он.

— Каждый день?

— Каждый.

— И ты приедешь?

— Как только смогу.

Пауза.

— Я подожду, пока ты вырастешь, — добавил он тихо.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Я быстро.

Когда автобус уехал, Рита долго стояла. Смотрела вслед.

И чувствовала: внутри стало больше света, чем раньше.

Не потому что стало легче. А потому что появилось направление.

Глава 4. Дача

Рита сидела на деревянной террасе, поджав под себя ноги, и смотрела, как солнечные зайчики дробятся о гладь реки. Вода переливалась лениво, густо, будто в ней растворили мёд и небесную лазурь. Каждая искра на поверхности казалась ей чужим воспоминанием: светлым, но недостижимым.

Мысли о Сане всегда приходили тихо. Как ветер, который сначала касается волос, а уже потом трогает сердце. Она долго держала телефон в ладонях, не решаясь писать. Экран отражал её лицо, немного усталое, немного растерянное, и в этом отражении она вдруг увидела себя маленькой девочкой, случайно забредшей в слишком большой чужой дом.

Но тревога уже разрасталась внутри, как тонкая трещина в стекле.

Наконец она написала:

«Лена познакомила меня с друзьями мальчиками. Они часто возят меня в разные места. Меня это тревожит. Лена говорит, что если я не поеду с ней, она расскажет всем в институте, что я твоя содержанка. Что мне делать?»

Она перечитала сообщение несколько раз. Каждое слово казалось слишком громким, почти неприлично откровенным. Но стирать не стала. Нажала «отправить» и почувствовала, как внутри что-то оборвалось и одновременно стало легче, будто она выпустила птицу, которую долго держала в

руках.

Сообщение осталось непрочитанным.

Дом внутри оказался полным людей. Не шумным до безобразия, а именно живым: смех, музыка, звон бокалов, чей-то ленивый спор у окна, кто-то босиком на террасе, кто-то уже сидит у чана с огнём и рассказывает историю, которую все слышали трижды, но всё равно смеются в нужных местах. В такой толпе, как ни странно, легче было быть одной. Можно было отойти к реке, сделать вид, что смотришь на воду, и никому не объяснять своего молчания.

Лена почти сразу растворилась среди гостей. Она умела это не как девочка, любящая внимание, а как опытная хозяйка пространства. В одном месте касалась плеча, в другом смеялась чуть громче, чем надо, в третьем уже успевала шепнуть кому-то что-то короткое и важное. Она словно не ходила по дому, а натягивала в нём тонкие невидимые нити. И Рита всё острее чувствовала, что сама уже тоже где-то среди этих нитей.

Когда Лена подходила к ней, голос у неё делался особенно мягким.

— Ну что ты опять с лицом жертвы искусства? Расслабься. Тут все нормальные.

Через несколько минут:

— Не стой одна так демонстративно, а то люди подумают, что я тебя силой притащила.

Потом ещё, вполоборота, как бы шуткой:

— И ради бога, не смотри на всех так честно. В столице это читается как приглашение.

Каждая фраза звучала почти ласково. И от этого Рите делалось не легче, а хуже. Потому что в этих словах не было прямого унижения, которое можно было бы отбить или хотя бы назвать. Только постоянная подмена оптики: она всё не так делает, не так стоит, не так молчит, не так смотрит.

Позже, когда они вдвоём на минуту оказались на террасе, Лена вдруг сказала совсем тихо:

— Ты же понимаешь, что я тебя сюда не просто так вытаскила? Тебе полезно посмотреть, как живут люди, которые не шарахаются от денег.

Рита промолчала.

— И ещё, — добавила Лена, не глядя на неё, — не заставляй меня защищаться. Я ведь могу очень красиво рассказать, кто ты для Сани. Ты этого не хочешь. И он не хочет. Так что не усложняй.

А потом уже громко, с прежней улыбкой:

— Риточка у нас сегодня такая тихая. Настоящая лесная нимфа. Лев, ты только не испугай её своей прямотой.

И Лев посмотрел на Риту именно тем взглядом, который уже был подготовлен чужим рассказом.

Последние дни лета радовали столицу погодой. Воздух будто нашёл идеальный баланс между теплом и прохладой, как если бы кто-то невидимый аккуратно отрегулировал термостат мира. Солнце не жгло, а лишь ласково касалось кожи,

словно проверяло, помнит ли она ещё прикосновения света. Оно щекотало нос, пробиравлось под ресницы золотыми иголочками и оставляло на веках мягкое сияние.

Где-то в доме хлопнула дверь. Голоса Лены и Макса доносились до террасы приглушённым эхом. Они быстро собирались, разговаривали возбуждённо, перебивая друг друга. Рита вошла в гостиную, надеясь поехать с ними обратно в город, но выяснилось, что они уже почти уезжают и места в машине не осталось.

Всё произошло слишком стремительно: ключи, сумки, топтающие шаги, запах дорогих духов Лены, который повис в воздухе липким шлейфом.

— Мы ненадолго, — бросила Лена через плечо, не встречаясь с ней взглядом. — Отдохни тут. Тебе полезно.

Дверь закрылась.

Машина уехала.

Дом сразу стал больше. Потолки поднялись выше, комнаты вытянулись в длину, и в них появилась непривычная пустота. Рита осталась со Львом одна.

Она машинально снова посмотрела в телефон.

Ответ от Сани уже пришёл.

«Лена ловко манипулирует людьми. Мы попались в её сети. Я что-нибудь придумаю. Постарайся потянуть время. Настаивай гулять пешком. Далеко не уезжай.»

Рита прочитала сообщение медленно, будто каждая строка была ступенью, по которой она спускалась всё глубже в

осознание ситуации. В груди стало тяжелее. Она поймала себя на мысли, что надо было написать ему раньше. Тогда всё казалось игрой, странным приключением, возможностью увидеть красивую жизнь со стороны. Теперь эта жизнь начала напоминать комнату без окон.

Она быстро открыла карту. Ближайшая электричка была в семи километрах. Дорога шла через лес и поле.

Она подняла глаза.

Лев стоял в дверном проёме, опершись плечом о косяк, и наблюдал за ней с мягкой, почти снисходительной улыбкой. Он выглядел безупречно: светлая рубашка, дорогие часы, спокойствие человека, привыкшего владеть пространством.

— Расслабься, — произнёс он негромко, словно продолжая уже начатый разговор. — Ты же любишь это место. Отдохнём без них пока.

Голос у него был бархатный, обволакивающий, но в нём Рите почудилась тяжесть, похожая на плотную занавесь, через которую трудно пробиться воздуху.

— Может, прогуляемся? — сказала она тихо, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

Он кивнул сразу.

— Конечно.

Они пошли вдоль реки. Сначала молча. Трава чуть шелестела у ног, от воды тянуло прохладой, лес справа темнел, становился глубже. Всё вокруг было слишком красивым, почти подозрительно красивым, как декорация, которую поста-

вили не ради жизни, а ради нужного впечатления.

Лев говорил спокойно, без нажима. Про дом. Про реку. Про лодку, которую почти не любит, потому что отец купил её не для плавания, а «чтобы было видно, что можно». Потом вдруг, почти без перехода, сказал:

— Я в детстве кузнечика случайно убил.

Рита повернула голову.

— Как?

— Наступил. Даже не заметил сначала. Потом увидел. Он ещё дёргался. Совсем маленький. А у меня почему-то внутри было пусто. Не жалко, не страшно. Просто пусто.

Он усмехнулся уголком губ, но без веселья.

— Мама тогда расплакалась. Сказала, что жестокость начинается с мелочей. А отец сказал, что жизнь вообще штука не для слабонервных и нечего устраивать трагедию из кузнечика.

— И кто был прав? — спросила Рита.

Лев пожал плечами.

— Мама умерла раньше, чем я успел это понять. А отец до сих пор жив. Стальной человек. Из тех, кто никогда не извиняется и всегда считает себя реальнее других.

Он сказал это не с гордостью, а с усталой констатацией.

Они дошли до пирса. Доски под ногами ещё хранили дневное тепло, но сверху уже опускался вечерний холод.

— Вечером здесь прохладно, — сказал Лев. — Я замёрз. Пойду баню растоплю.

Он произнёс это буднично, без скрытого нажима, так, будто просто продолжал вечер по привычному сценарию.

— Я не хочу в баню, — спокойно ответила Рита.

— Посмотрим, — отозвался он легко. — Я не заставляю.

Когда он ушёл, она ещё несколько минут сидела на краю пирса и смотрела, как закат медленно стекает в воду. Ей хотелось быть одной, и в компании это было почему-то проще. Когда вокруг были люди, она могла незаметно исчезнуть внутрь себя. Теперь же даже одиночество было не одиночеством, а ожиданием.

Через некоторое время Лев вернулся. С полотенцем на поясе, с влажными волосами, с раскрасневшейся от жара кожей. От него шёл запах горячего дерева, пара и дорогого одеколona.

— Ты же замёрзла, — сказал он мягко. — Губы синие. Иди погрейся. Я уже вышел. Можешь надеть мамин халат, он висит в ванной. Огромный, тёплый. Потом посидим у камина.

Это прозвучало почти заботливо. Без давления. Без игры. И именно поэтому Рита согласилась.

В бане было тихо и густо от пара. Дерево дышало теплом, тело постепенно размякало, тревога чуть отступала, словно её осторожно развязывали изнутри. Когда она надела халат, он и правда оказался огромным, мягким, почти неприлично уютным. От ткани пахло стиральным порошком, чем-то домашним, и этот запах неожиданно тронул её. Будто кто-то,

кого давно нет, всё ещё оставил в доме след доброты.

В гостиной горел камин.

Лев сидел у журнального столика с бутылкой вина и поднял голову, когда она вошла. На секунду его лицо изменилось. Исчезла привычная собранность. Он смотрел на халат так, словно увидел в нём кого-то другого.

— Тебе тепло? — спросил он тихо.

— Очень.

— Это мамин. Настоящий кашемир. Она привезла его из маленькой мастерской в Тоскане. Говорила, что в хороших вещах живёт терпение.

Он налил вино. Говорил о матери неожиданно мягко, почти растерянно. О том, как она по утрам сидела на террасе в этом халате и пила кофе, даже в холод. О том, что дом возникает не из стен, а из человека, который умеет сделать в нём тише.

Рита слушала и постепенно расслаблялась. Огонь дышал ровно. За окнами сгущалась ночь. Лев вдруг перестал казаться опасным. В нём проступило одиночество, спрятанное за роскошью и привычкой командовать пространством. Ей даже захотелось поддержать его, самой неясно почему.

Она сделала глоток вина. Потом ещё один.

Тело оттаяло окончательно. Мир чуть поплыл, но мягко, как река в закатном свете.

И именно в этом состоянии всё и сдвинулось.

Лев наклонился ближе.

Его голос стал мягче, ниже, почти шёпотом.

— Ты странно действуешь на людей, — сказал он. — Как будто рядом с тобой хочется говорить правду.

Рита смутилась и опустила глаза.

Он принял это не за отказ.

За доверие.

За ту самую женскую тихость, которую мужчины слишком часто считают согласием.

Его ладонь легла на её колено и медленно скользнула выше.

Рита вздрогнула.

Тело почувствовало опасность раньше ума.

— Что ты делаешь? — выдохнула она.

Лев посмотрел на неё почти ласково, даже чуть удивлённо, как будто вопрос был не про границу, а про темп.

— Да ладно тебе, — тихо сказал он. — Не надо так пугаться. Ты же мне нравишься.

Он говорил без грубости. И именно это оказалось страшнее. Потому что в его голосе не было ощущения преступления. Только уверенность человека, которого заранее убедили, что всё допустимо.

— Лена сказала, что ты... свободная в этом смысле. Что с Саней у тебя всё держится на его помощи. Что ты взрослая девочка и прекрасно понимаешь, как устроена жизнь. Что молчание у тебя обычно означает «да».

Рита смотрела на него и не верила услышанному.

Вот откуда всё.

Вот как её перевели.

Не просто в другую историю, а в другой тип женщины.

— Нет, — сказала она тихо.

Но голос уже проваливался.

Лев не слышал.

Или слышал не так.

Потому что его следующая фраза прозвучала почти успокаивающе:

— Всё хорошо. Перестань дрожать.

Именно в этот момент Рита поняла, что не успевает.

Не успевает стать громкой. Чёткой. Жёсткой. Вовремя.

Тело выбрало старую реакцию. Замереть. Провалиться внутрь себя, туда, где ещё нельзя достать.

Потом ей будет казаться, что она виновата именно в этой секунде. В том, что не закричала. Не оттолкнула. Не сделала того, что делают «правильные женщины» в чужих рассказах о спасении.

Но в реальности всё произошло быстрее мысли.

И тише.

И от этого страшнее.

Когда боль пришла, она расколола её изнутри. Не как яркий удар. Как вторжение, в которое не верится до последнего мгновения. Рита повернула голову к камину. Огонь обхватывал поленья ровно и жадно, забирая их в себя, пока от них не оставалось ничего, кроме угля и серой хрупкой памяти.

Он уничтожает меня так же спокойно, как огонь дерево,
мелькнуло у неё.

Слёзы потекли по вискам. Она почти не чувствовала себя, только боль в теле и другую, более глубокую, рвущуюся под рёбрами.

Когда всё кончилось, Лев откинулся назад, тяжело дыша, а потом даже что-то тихо напел, совершенно не замечая, что рядом лежит не женщина, а обрушенный мир.

Он пошёл к холодильнику, открыл его, белый свет разрезал полумрак.

— Будешь вино? Или салат? — спросил он почти буднично. — Что хочешь?

И только тогда Рита поняла, насколько он не понял ничего.

Он не видел её слёз.

Не видел ужаса.

Не видел, что рядом с ним лежит человек, которому только что сломали реальность.

И в этом было что-то почти невыносимое.

Ночное небо смотрело на неё через панорамные окна своей огромной глубиной. Звёзды мерцали спокойно и терпеливо. Их свет был далёким, но удивительно мягким.

И вдруг ей показалось, что этот свет говорит:

«Не сдавайся. Только не сдавайся.»

Мысль была тонкой, почти неслышной. Но именно она вернула дыхание.

«Бежать. Нужно бежать отсюда.»

Рита приподнялась. Каждое движение отзывалось болью, будто внутри неё остались острые осколки. Она быстро начала одеваться.

— Куда ты? — донёсся голос Льва. В нём теперь звучала не нежность, а досада человека, чью картину вечера внезапно испортили. — Звёзды смотреть? Возьми мою куртку.

Он сделал шаг к ней.

Этот шаг прозвучал громче любого крика.

Она схватила куртку, как щит, распахнула дверь и выбежала наружу.

Холодный воздух ударил в лицо ледяной водой. Он обжёг лёгкие, но вместе с этим вернул ощущение жизни.

Она побежала к лесу.

Телефон, деньги, документы, сумка остались в доме.

Позади остался камин, догорающий до углей. Остался человек, который превратил её доверие в пепел.

А впереди была тьма леса. Густая, непроглядная.

Но в этой темноте звёзды светили ярче.

Лес принял её без вопросов. Тёмные стволы стояли высокими колоннами, земля под ногами была мягкой, пахла хвоей и сыростью. Сначала она бежала почти вслепую, спотыкаясь о корни. Потом шаг замедлился сам. Лес не преследовал. Он просто был.

Когда адреналин начал уходить, тело напомнило о себе: колени дрожали, зубы стучали, холод проникал под кожу.

Куртка Льва висела на ней тяжёлым чужим слоем. Она резко стянула её и бросила на землю. Холод оказался честнее.

Если я сейчас вернусь туда и позволю назвать это чем-то другим, я исчезну.

Эта мысль была первой живой мыслью после ужаса.

Она шла дальше.

Потом побежала.

Потом споткнулась о невидимый корень и рухнула на землю так резко, что воздух выбило из груди. Несколько секунд она просто лежала, оглушённая, а потом заползла под низкий куст, свернулась калачиком и смотрела сквозь ветви в чёрное небо.

Где-то далеко послышался голос.

— Рита!

Лев.

Сначала громко. Потом ближе. Потом снова дальше.

Он искал.

Она не отзывалась.

Потому что ещё не могла быть рядом ни с каким его раскаянием.

Ночь тянулась долго. Холод просачивался в кости. Где-то кричала птица. Где-то шевелился зверёк в траве. Потом лес начал светлеть. Сначала едва заметно. Потом на горизонте появилась тонкая полоска света.

Восход.

Рита медленно села.

Дача Льва на западе. Значит столица на востоке.

Мысль была сухой, почти безэмоциональной. Практичной. Спасительной.

Она встала и пошла на восток.

Лес редел постепенно. Потом перед ней открылось поле. Его уже скосили, остались только жёсткие ряды стерни, пахнущие сухим летом. Идти стало легче. Где-то между ними торчали упрямые маленькие цветы.

Тысячелистник.

Она присела и вдохнула его горьковато-сладкий запах.

Радуйся жизни, будто шепнули ему белые крошечные зонтики.

Небо наливалось алым. Солнце поднималось медленно, окрашивая всё вокруг в кроваво-розовые оттенки. Она смотрела, как этот цвет постепенно растворяется в синеве, и вдруг поняла: боль может быть такой же. Яркой, жгучей, почти всеохватной. Но небо её не отвергает. Просто медленно принимает в себя, делает шире.

Я не пепел, сказала она вслух.

И в этот момент увидела движение.

Кто-то бежал по полю.

Высокий силуэт, быстро приближающийся по золотистой стерне.

Лев.

Рита резко развернулась и попыталась бежать, но сил почти не осталось.

— Прости! Прости, пожалуйста! — донёлся до неё его сорванный голос. — Стой! Я просто хочу отвезти тебя домой! И отдать сумку!

Она остановилась.

Не сразу.

Обернулась.

Он подбежал ближе, но не подошёл вплотную. В руке у него действительно была её сумка. Он осторожно бросил её на траву в её сторону, будто боялся дотронуться до неё даже через вещь.

Рита подняла сумку. Проверила молнию. Всё было на месте.

И только тогда Лев увидел кровь на светлом халате.

Лицо его изменилось сразу. Побледнело, провалилось.

— У тебя... до меня... не было мужчины? — запнулся он.
— У вас... ничего не было с Саней?

Она молча покачала головой.

И он словно рухнул изнутри.

Опустился прямо на траву. Не картинно. Не театрально. Просто сел, потому что ноги перестали держать.

— Лена... — выдохнул он. — Лена сказала, что ты... что с двенадцати лет... что ты спала и с ним, и не только с ним... Господи.

Он провёл руками по лицу, как будто пытался стереть с него собственное незнание.

— Я бы не посмел, если бы знал. Я... я хотел поверить в

удобную версию. Это удобно, когда тебе заранее объяснили, что перед тобой не человек, а разрешение.

Он посмотрел на неё с такой растерянностью, что в нём на секунду проступил не взрослый мужчина, а мальчик, который снова стоит над мёртвым кузнечиком и только теперь понимает, что натворил.

— Знаешь, после того кузнечика я месяц не ел сладкого. Думал, так станет легче. Потом отец сказал, что это глупость. Что жизнь не исправляется отказом от десерта. А мама тогда плакала не из-за кузнечика. Из-за него. Из-за того, что он вообще не понял, почему она плачет.

Он усмехнулся криво, больно.

— Я ведь обещал ей не стать таким, как он.

Тишина между ними была прозрачной, как утренний воздух.

— Прости меня, — сказал он. — Я не заметил твоего отказа. Я увидел то, что мне внушили. И то, что мне было выгодно увидеть.

Рита долго смотрела на него.

Боль ещё жила в ней. Но вместе с болью вдруг пришло другое чувство. Не оправдание. Не мягкость. А ясность. Он не чудовище. Но это не отменяло случившегося. Его ошибка была страшной именно тем, что он принял чужую ложь за право.

Она подошла на шаг ближе и осторожно погладила его по голове.

Не как женщину глядят мужчину.

Как глядят запутавшегося ребёнка, который слишком поздно понял, что причиняет боль.

Он вздрогнул.

— То, что ты сделал, уже не исправишь, — тихо сказала она. — Но сейчас ты искренен. Я прощаю тебя.

Он поднял на неё глаза.

— Только я не буду твоей...

Слово застряло у неё в горле, липкое, унижительное.

— ...девушкой, — быстро договорил Лев. — Конечно. Я не имею права ни на что рассчитывать. Просто... если тебе понадобится помощь, любая, я буду должен. Деньги, связи, что угодно.

Потом, помолчав, добавил:

— Я всю ночь искал тебя. И молился. Правда. Потом вдруг понял, что ты, если жива, пойдёшь на восток. Не знаю, почему. Как будто кто-то тихо подсказал.

— Представляю, — сказала Рита.

Он улыбнулся почти по-мальчишески.

Они дошли до дачи молча.

В доме Лев быстро поставил чайник, заварил ромашку, достал малиновое варенье, хлеб, йогурт. Говорил, что мама всегда делала так, когда кто-то в доме плакал или болел. Потом ушёл в душ, давая ей время одной посидеть в тёплой кухне, залитой утренним светом.

Когда Рита вышла из душа, он спал на диване прямо в

одежде. Видимо, отключился мгновенно. Она поставила телефон на зарядку.

Экран вспыхнул.

Тридцать пропущенных вызовов от Сани.

Четыре сообщения.

Первое:

«Рита, перезвони. Ты правда сейчас на даче у Льва?»

Второе:

«Лена же врёт, что ты спишь со Львом?»

Третье:

«У неё видео с камеры с дачи Льва. Почему ты спишь с ним? Почему ты плачешь при этом?»

И последнее, ближе к полуночи:

«Рита, какое-то время я буду без связи. Я больше не буду жить и работать у родителей. Меня не будет в столице какое-то время. Как только разберусь, выйду на связь. Напиши мне на почту, что у тебя там со Львом. Прости, что всё так запуталось. Хорошо учись.»

Слёзы накрыли её сразу.

Лев проснулся от звука и в два быстрых шага оказался рядом.

— Плохие новости?

Рита кивнула.

— Лена рассказала всё Сане. Видео.

Лев сел резко, провёл рукой по волосам.

— У неё доступ к камерам. Господи. Прости. Если твой Саня захочет набить мне морду, это будет самое безобидное, чего я заслуживаю.

Он помолчал, потом добавил:

— Твой Саня всё поймёт. Ты скажешь ему, что это было против твоей воли. Я подтверждаю. Сам напишу, если надо.

Рита покачала головой.

— Я подумаю, как сделать это менее больно для него.

— Иногда проще ударить, чем носить это внутри, — тихо сказал Лев.

Она смотрела в экран. На тридцать звонков. На его тревогу, на его мгновенную веру в худшее, на его побег из собственной жизни.

— Он пишет, что не будет жить и работать у родителей, — сказала она еле слышно.

Лев шумно выдохнул.

— Наверное, из-за того, что на Лене жениться не хотел. Она же нравится его родителям. Удобная, яркая, правильная картинка. Может, из-за тебя не хотел.

Он налил ей ещё чаю.

— Выпей. Полегчает.

— Как же тяжело ему... — прошептала Рита.

Лев вскинул брови.

— Тяжело? Две самые красивые девушки любят его. Да он счастливчик. Разберётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.